

Истории
о первой любви
для маленьких
принцесс

Рыцарь
на коньках

Елена
Усачева

Елена Усачева

Рыцарь на коньках

«ЭКСМО»

2009

Усачева Е. А.

Рыцарь на коньках / Е. А. Усачева — «Эксмо», 2009

Каждая девочка мечтает о принце – красивом, умном, смелом... Он будет дарить цветы, чинить сломанную безделушку, защищать от хулиганов. Вот только мальчишки постоянно отвлекают от этих приятных мечтаний – то утащат портфель, то за косичку дернут. Ископаемые! Неандертальцы! Так трудно поверить в то, что твоим принцем может оказаться один из них! Но под Новый год случаются разные чудеса, и даже обычный одноклассник Валька Шулейко может стать... рыцарем.

© Усачева Е. А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Заговор трех	5
Школа чародейства и волшебства	10
Сердце в портфеле	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Елена Усачева

Рыцарь на коньках

Заговор трех

Аня Плотникова пришла к ним в третьем классе.

Ни громких фанфар, ни оглушительных литавр, ни герольдов, оповещающих о ее явлении, не было. Даже гроза за окном не шарахнула.

А зря.

Небесные сферы могли бы подать хоть какой-нибудь знак. Не каждый день случаются события, переворачивающие жизнь тридцати человек. И к ним стоит быть готовым.

Предупреждений не было, поэтому класс спокойно гудел, обсуждая только что закончившиеся каникулы. Лето, море, дачи, друзья, враги – все это было важнее стоящей на пороге пухлой девочки с большим красным портфелем в руках и с двумя бантами на куцых хвостиках.

По инерции народ еще сообщал друг другу самые важные сведения на земле, но кое-кто уже начал потихонечку оборачиваться в сторону двери.

Аня секунду постояла, оценивая обстановку, а потом смело шагнула вперед. Девчонки тут же отметили розовые щеки, чуть вздернутый носик, русые волосы, полноватую фигуру. В общем – ничего особенного. Но по мере того как новенькая шла по классу, пробираясь по изломанному проходу мимо сдвинутых со своих мест парт, мнения о ней менялись. Уверенная, независимая, по сторонам смотрит спокойно, не заглядывает заискивающе в глаза. Села на свое место, достала тетради, медленно подняла голову.

– А чего на линейку не пришла? – Первая красавица класса Катька Куропаткина хотела спросить вызывающе, чтобы сразу поставить новенькую на место, но то ли от удивления, то ли еще от чего вопрос у нее получился с ноткой подобострастия.

– А чего там? И так все понятно, – дернула плечом новенькая и улыбнулась. С этого момента и началось царствование Ани Плотниковой.

Вроде все у нее было как у всех. Но у всех так, да по-другому – чуть больше или меньше, чуть неуверенней или скучнее. Ане достаточно было улыбнуться, и спорящий с ней человек забывал, что он хотел доказать. Ей стоило только встать и выпрямиться, как все уже уступали ей дорогу.

Над ее талантом владеть сердцами, умами и вниманием девчонки ломали голову все годы совместного с Аней обучения. Мальчишки от бессилия что-либо понять прятали ее портфель, дергали за хвостики, на физкультуре ставили подножки, толкали в столовой, проливая на нее свои компоты. Но Аня продолжала уверенно шагать по жизни, загадочно улыбаясь и не замечая такие мелочи, как испачканная юбка.

Было что-то в Плотниковой, невольное заставляющее смотреть на нее во все глаза, слушать все, что она говорит, или просто находиться рядом.

С годами эти магические свойства только усиливались. Она, как настоящая звезда, захватывала в поле своего обаяния всех, находящихся поблизости: одноклассников, друзей, врагов, учителей.

Тогда, в третьем классе, народ сразу почуял недоброе, по мимолетным вибрациям ощутил, что мирная жизнь закончилась.

И первым был Леха Щукин.

– Ничего себе фифа! – присвистнул он, садясь вполоборота, чтобы видеть происходящее в конце класса.

– Круто! – коротко кивнул Сергей Махин, до этого момента пребывавший с Лехой в постоянных контрах – они боролись за первенство в классе, поэтому иногда еще продолжали драться. Появление Плотниковой их незаметно объединило.

Воодушевленный замечаниями приятелей Валька Шейко заулыбался и крикнул через ряд двум неразлучным Ленкам – Куркиной и Носовой.

– Видели новенькую?

В этот момент гул в классе затих, и его ехидный вопрос услышали все.

– Дурак! – высказала общее мнение Куропаткина и постаралась как можно милее улыбнуться обустроивающейся за своей партией Ане.

Дальше события понеслись с той же скоростью, с которой учителя ставят в школьные дневники заслуженные двойки и колы. Девчонки и сами не заметили, как стали отращивать короткие хвостики, а те, у кого были длинные волосы, стремились в парикмахерские под острые ножницы мастеров – резать косы и подравнивать челки. На первой же физкультуре все невольно стали копировать Анину походку, чуть вразвалочку, ее манеру при беге размахивать руками.

– Шоу двойников, – фыркнул Леха Щукин, когда мимо них в очередной раз пронеслась стайка девчонок – впереди бежала Аня, а за ней ровным рядком пять подражательниц.

– Плотникова, эй, не споткнись! – крикнул ей вслед Валька Шейко. Ему еще хотелось свистнуть, но оказавшаяся рядом учительница начальных классов так строго на него посмотрела, что он подавился втянутым внутрь воздухом и закашлялся.

Под ослепительные краски осени, под шелест опадающих листьев, под курлыканье улетающих на юг журавлей, невидимо для глаз в классе разыгралось несколько трагедий. До этого крепкая дружба между Ленками (Куркиной и Носовой) распалась. Плотникова одним движением брови заставляла идти за собой. И вот уже Ленка Носова осталась одна переживать предательство подруги, переметнувшейся к Ане.

Кто, откуда, почему?

Знали только, что из семьи военных. Знали только, что приехала из Питера, что живет с матерью и ее братом, веселым дядей Славой, заходившим за Аней в школу. Знали, что ходит в художественную школу и на гимнастику. Знали, все знали, но ничего не понимали.

Ах, много, много всяких событий случилось. Мели метели, заносили холодным снегом следы чужих слез и обид, весенние ручьи смывали остатки разговоров, а теплый ветер разглаживал на девчачьих лбах недовольные морщинки. Класс жил своей жизнью – ссорился, ругался, срывал контрольные и радовал учителей своими успехами.

Постоянным оставалось одно – Аня. Ее умение одеваться, говорить, ходить и даже улыбаться. Своим уверенным спокойным видом она заставляла завистливо вздыхать девчонок и застывать в недоумении парней.

Так прошло несколько лет, и наши герои перешагнули порог шестого класса – полжизни позади, еще столько же впереди.

Неведомо откуда подул ветерок чего-то нового и неизвестного. Заволновались мальчишки, стали поглядывать на девчонок как-то странно. Почему – им и самим пока непонятно, а поэтому с удвоенной силой они дергают за косички, режут портфели и портят тетрадки клеем.

«Дураки! – вздыхают девчонки, безуспешно пытаясь отстирать дома вечером чернильную кляксу с любимой юбки. – Примитив! Гориллы!»

Хуже, гораздо хуже! Не найденные еще учеными ископаемые предки утконосов или опоссумов (не важно, кто это, главное, слова-то какие неприятные!). Потому что юбка испорчена безвозвратно и ее теперь можно отправить на тряпки. А завтра что же? Завтра то же самое. У-у-у, ав-стра-ло-пи-те-ки!

И вдруг объявление. Обычный белый листок, где крупными красными буквами написано: «ШКОЛА ПРИНЦЕСС! СПЕШИТЕ! НАЧАЛО ЗАНЯТИЙ 15 СЕНТЯБРЯ».

– Тоже мне принцессы, – скривился Щукин, изучив листок сначала сверху вниз, вплоть до двух летящих по нижней кромке бабочек, потом снизу вверх, до фиолетовых вензелей. – Они бы еще написали: «Тыкву и метлу приносить с собой».

– Ага, – кивнул теперь уже его закадычный друг Серега Махин. – Школа Гарри Поттера. Принимают слепых очкариков без родословной.

– Дураки! – согласился Валька Шейко и дернул объявление со стенда, собираясь сделать из него самолетик и отправить в полет по холлу первого этажа.

– Так! – раздалось у них за спинами, и листок, вырвавшись из дрогнувших Валькиных пальцев, спланировал к новым туфелькам, надетым на ноги строгого завуча.

– Жираф, ну, ты как всегда! – кричал минутой позже Щукин, когда вся их компания бежала по лестнице в кабинет истории.

Шейко споткнулся, отстал, потерял ушибленную коленку и решил ничего не отвечать. Подумаешь, на завуча напоролся! Как будто в первый раз...

А в классе уже гудело обсуждение – клуб, кружок или неведомое внеклассное мероприятие? Кто пойдет и стоит ли идти вообще?..

Вот тут-то и выяснилась вся правда о Плотниковой – принцесса, как есть принцесса.

– Я обязательно пойду! – как само собой разумеющееся, сообщила она.

Все еще мялись, боялись показаться маленькими или отсталыми (какие принцессы в наш век?), а она согласилась, не раздумывая.

Аня давно уже сидела в центре класса, за третьей партой в среднем ряду рядом с Леной Куркиной. Хвостики превратились в модную короткую стрижку, а вот обаяние осталось, как остались румяные щеки и вздернутый носик.

Щукин, сидевший теперь тоже по центру, прямо за Плотниковой, медленно поднял глаза. То ли ему показалось, то ли солнечный свет внезапно пробился сквозь вечно пыльные окна класса и упал на Анину макушку, только Леха увидел странный блеск у нее над головой.

А что там может сверкать? Ни заколки, ни резиночки. Он даже чуть привстал, чтобы получше рассмотреть, но солнечный луч погас, и ничего больше в Анькиных волосах видно не было.

Корона там мелькнула, что ли? Вот они – принцессы в действии!

Половину урока Щукин просидел, задумавшись, как вдруг на глаза ему попался торчащий из-за воротника Аниной водолазки белый лоскуток. Какое-то время он рассматривал его, прикидывая, что бы это могло быть, как вдруг его осенило.

Он перегнулся через парту и дернул за болтающийся хвостик.

– Плотникова! – Восторгу его не было предела. – Ты чего? Наизнанку свитер надела?

Аня тревожно шевельнулась, потянула себя за рукав, пытаясь нащупать шов. Повернула к Щукину мгновенно зардевшуюся щеку.

– Совсем, что ли? – покрутила она пальцем у виска и с тревогой глянула на учительницу. – Можно выйти?

Когда дверь за Аней закрылась, у Лехи в голове созрел гениальный план. За оставшееся до звонка время он обмозговал его со всех сторон и на перемене выдал получившийся расклад.

– Давайте сделаем так, чтобы Плотникова... – Щукин удобней устроился на подоконнике и довольно щелкнул пальцами. – Ну, не знаю... – Он выдал еще пару щелчков и для верности хлопнул в ладоши. – Ну, чтобы она перестала задирать нос. Доведем ее до слез.

– К ней только сунься, она на нас всех девчонок натравит... – Шейко почесал ногу, укушенную позднеосенним комаром. – Как начнет орать, бабы нас затопчут.

– Не бойсь, – довольно жмурился Леха – сидеть под солнцем на подоконнике было жарко. – Мы придумаем что-нибудь такое... Короче, наша возьмет. Мы ее доведем до того, что она сама приползет к нам на коленях просить прощения.

И он смахнул с подоконника скомканный листок бумаги.

– Вот такой мы им футбол устроим! – Серега Махин провел бумажку вокруг себя и отфутболил Вальке. Тот мыском ботинка подбросил ее пару раз в воздух. Хотел сделать это третий раз, но оступился и чуть не грохнулся на идущую по коридору Ленку Носову.

– Ненормальный, – отпихнула его Ленка и с шипением потеряла оттопанную ногу. – Баран!

Серега уже открыл рот, чтобы ответить, но Шукин дернул его за рукав.

– Есть идея! – быстро зашептал он. – Как ты думаешь, что Плотниковой больше всего нравится?

Вопрос был странный. Даже более чем странный. Как можно знать то, что в принципе не доступно пониманию? Как можно влезть в голову этих инопланетянок? А даже если и залезешь, что узнаешь? Дрессировщик, входящий в клетку к хищнику, и тот лучше представляет, что творится под косматыми челками его подопечных. Дельфины более понятные существа, чем эти девчонки.

Приятеля переглянулись, потом посмотрели по сторонам, словно на стенах должны были проявиться подсказки, каждый глазами отследил проходившую мимо девчонку, и их взгляды снова встретились.

– Выпендриваться, – вынес свой приговор Махин.

– Да дуры они все! – шумно вздохнул Шейко. Сделал он это так громко, что пробежавшие мимо девчонки захихикали. Валька выразительно повел бровью: мол, что я говорил.

Шукин махнул рукой и уставился в окно.

Все это было не то. Леха посмотрел, как молодняк носится среди опавшей красоты, как взвихряются под ногами разноцветные сухие листья.

– Дуры, говоришь? – Шукин хлопнул ладонью по подоконнику. – Я знаю, что надо сделать, чтобы она перестала выпендриваться.

– В глаз дать, – кровожадно предложил Шейко.

– Выставить ее на посмешище, – смягчил приговор Махин.

– Нет! – Леха снова припечатал ладонь к подоконнику. – Пошли наверх.

– Чего там? – помчался за ним Серега. – А с Плотниковой чего?

– Все будет! – Шукин не спешил делиться своим открытием.

– Звонок скоро! – заволновался Шейко.

– Успеем.

Леха взбежал на пятый этаж и остановился на пороге актового зала.

Зал как зал, ничего особенного. Ряды дряхлых кресел с порезанными сиденьями, кое-где отсутствие кресла компенсировал не менее дряхлый стул, вид которого рождал воспоминания о войне 1812 года, когда разбитые наполеоновские войска отступали по старой Смоленской дороге. После них в графских усадьбах оставались как раз такие стулья.

Пыльные серые портьеры прикрывали высокие окна. На узких подоконниках рядом с доисторическими надписями первых учеников школы ухитрялись уместиться фантики и рваные тетрадные листочки учеников нынешних. На стенах висели забытые с позапрошлого года праздника мишура, блестящие и украшенные разноцветным дождиком восклицательный знак. Под всем этим притулился стенд с информацией о противопожарной безопасности. Сквозь полумрак проглядывалась сцена с ритуальным красным занавесом и белым задником.

– Это подойдет!

Леха одним прыжком вскочил на сцену и исчез в облаках пыли, взметнувшихся из шторы.

– А чего делать-то будем? – Валька чихнул. Потом чихнул еще раз, еще и, чтобы не упасть, схватился за портьеру. Крепежи наверху предупреждающе затрещали.

– Жираф! – Шукин ткнул пальцем в рыдающего от пыли Шейко. – Все они соберутся здесь, а ты будешь сидеть за занавеской. – Он обвел рукой пустой зал. – И все узнаешь.

Друзья непонимающе уставились на косые ряды кресел.

– И чего? – шмыгнул носом Валька, смахивая со щеки набежавшую от чихания слезу.

– Мы ее расколем! Они все придут в эту школу Гарри Поттера, хотя бы раз, но придут. Анька тоже будет здесь, она у них станет главной принцессой. Стоит только узнать, чем они будут заниматься, и считай, что слабое место Плотниковой у нас в кармане.

– И чего? – Шейко был не против замутировать какую-нибудь каверзу против одноклассницы, но сидеть за пыльным занавесом ему не хотелось. Шестым чувством он понимал, что добром это не кончится.

– Ничего! – Леха спрыгнул со сцены. – Надоела.

– Ага! – согласно кивнул Махин, и судьба Плотниковой с этого момента была решена.

Школа чародейства и волшебства

Нельзя сказать, чтобы Шейко так уж сильно волновала Плотникова. Живет себе и живет, в школу ходит. Он даже не замечал, как девчонки невольно стали ей подражать. Подумаешь, волосы отрезали! Подумаешь, сменили брюки на узкие юбки.

Плотникова, как и все девчонки, его не интересовала. А вот очередная затея Щукина очень даже грела душу.

Но Леха молчал. Вернее, обещал все рассказать только после того, как Валька принесет ему верные сведения с первого занятия Школы Принцесс. Поэтому 15 сентября с трех часов Шейко засел в своем углу, устроившись под сценой около ледяной батареи. Чтобы не чихать, он заткнул нос ватой.

Само предприятие поначалу виделось ему безобидным развлечением. Ну, посидит он, ну, послушает. Девчонки часик поносятся по актовому залу, а потом быстренько разбредутся по домам. И только когда в дверях появилась первая «принцесса», в душе Шейко вновь появились нехорошие предчувствия.

Зал заполнялся медленно. Пришли Плотникова с Куркиной, девчонки из параллельного класса, парочка малышей. Последней появилась Ленка Носова. Она забралась на дальний ряд и постаралась сделать вид, что ее здесь нет. По счету она оказалась одиннадцатой «принцессой» из их класса.

То есть пришли все! Интересно...

Когда уже начало казаться, что никаких занятий не будет – сколько можно ждать? – дверь рядом со сценой открылась.

Как уж там девчонки представляли себе будущую учительницу Школы Принцесс, Валька не знал. Ему же почему-то казалось, что вести занятия должна как минимум фея – что-то легкое, воздушное, и если не с крылышками, то с волшебной палочкой точно.

Пол жалобно скрипнул, взволновалась застоявшаяся в занавесе пыль.

– Ну, здравствуйте, дорогие мои!

Забыв об осторожности, Шейко полез из своего укрытия.

Даму, стоявшую перед девчонками, нельзя было назвать ни феей, ни тем более наставницей принцесс. А уж на королеву-мать она не тянула ни при каком освещении.

– Зовут меня Наталья Захарьевна Соломкина. Вот, – перевела дух после столь длинной фразы дама. – Будем с вами заниматься.

И тут случилось страшное – стул, на котором так уютно сидел Валька и который так бы и простоял, если бы Шейко не пытался, вытягивая шею, изобразить из себя жирафа, чтобы лучше рассмотреть, что происходит в зале, – так вот, этот стул рухнул. Вслед за ним рухнула и усакала в самый грязный закуток закулисья Валькина душа.

Наталья Захарьевна была полной женщиной, но на звук падающего стула повернулась очень быстро. В ее темных лукавых глазах промелькнуло глубинное понимание всего происходящего.

Валька зайцем метнулся через сцену, на ходу выдергивая из носа затычки от пыли. У него была слабая надежда, что стремительное бегство спасет его, но Наталья Захарьевна его опередила.

– Стоять! – негромко приказала она, и всегда послушный Шейко замер. – Раз пришел, не убегай! – Пол под тяжелыми шагами снова закрипел, Валька почувствовал, как доски под ним начинают пружинить. – Будешь предметом изучения. – На его плечо легла рука, под которой захотелось провалиться сквозь все этажи в подвал. – И как самого скромного мы тебя зашлем на галерку.

Сильные пальцы развернули Вальку на сто восемьдесят градусов и отправили на последний ряд к Ленке Носовой.

Его передвижение по проходу было отмечено насмешливыми взглядами и ехидными комментариями.

Обмирая и поминутно забывая, как дышать, Шейко прошел в конец актового зала и упал рядом с Ленкой. Ряд из-за его падения заходил ходуном, однако Носова даже глаз не подняла, продолжая изучать складки на своей юбке.

– Ну что же, дорогие мои, – чуть задыхаясь, заговорила Наталья Захарьевна. – Как вы считаете, что принцессу делает принцессой?

– Родословная!

– Платье!

– Жизнь во дворце!

– Умение ездить верхом!

– Деньги!

– Богатый папа!

– Как вариант, – кивнула Наталья Захарьевна. – Еще?

– Поцелуй принца!

Собравшиеся захихикали, некоторые снова начали оборачиваться, поглядывая на Вальку, который был готов от смущения утечь по трубам на улицу. При этом он мысленно такими словами ругал предприимчивого Щукина, заварившего всю эту кашу, что Леха, ожидающий на улице окончания занятий, должен был обываться.

– Принц нам, конечно, понадобится, – заговорила Наталья Захарьевна, возвращая внимание девчонок с последних рядов на себя. – И это хорошо, что он у нас есть. Но и вам самим надо попробовать представить себя принцессами. Сядьте ровно. Сейчас посмотрим, в ком из вас есть «голубая кровь».

Сказала это руководительница в шутку, но зал тут же зашевелился. Даже Ленка Носова заерзала на скрипучем кресле, расправляя плечи и выпячивая грудь. Шейко покосился на нее и съехался.

Ну все, пропал.

А на первых рядах вовсе шло преображение – выпрямлялись плечи, поднимались подбородки, губы растягивались в резиновые улыбки, локти растопыривались, превращая руки в подобие буквы «О».

И только Плотникова как сидела, так и продолжала сидеть – с ее нешелохнувшегося затылка Валька глаз не спускал. Да ей и не надо было шевелиться – спину она всегда держала ровно, на губах у нее постоянно играла легкая улыбка, а руки... Вот разве что руки спокойно лежали на коленях.

– Так, так, так... – довольно заулыбалась Наталья Захарьевна. – А теперь расскажите-ка мне – что у вас сегодня было в школе? Контрольные были?

– Были, – раздались нестройные голоса.

– Так. А самостоятельные?

– По русскому, – громче всех выкрикнула девчонка из параллельного.

– Двойки были? – весело перечисляла руководительница.

– Тройка.

– Четверка, – доверчиво стал отзываться народ.

– А с подружкой кто-нибудь сегодня ругался? – продолжала нагнетать обстановку Наталья Захарьевна.

– Ругался, – прошептала Ленка Носова, и Шейко испуганно покосился на нее. Надо же, сколько всего, оказывается, в школе происходит, а он и не знает!

– Хорошо, а учителя вам замечания делали? В дневник писали?

Тут уж все заговорили одновременно – замечаний на сегодняшний день было наговорено предостаточно. Возмущавшиеся девчонки мгновенно забыли о своей стати – спины сгорбились, плечи опустились, брови нахмурились.

Понятно, что Плотникова продолжала сидеть, не шевелясь. Валька мог поспорить, что она сейчас улыбается своей мягко-кошачьей улыбкой.

– Тише! – Наталья Захарьевна собрала все крики в кулак и сжала его перед лицом. – А теперь забыли обо всем. – Кулак раскрылся, выбрасывая в сторону пыльного занавеса все девчачье недовольство. – Настоящая принцесса никогда не показывает своих эмоций. Внутри у вас может происходить что угодно, но на лице всегда должна быть улыбка. Улыбнулись, спины выпрямили. Всегда помните – на вас смотрят. А чтобы вам легче было представить, – она вытянула руку в сторону Вальки, – молодой человек! Можно вас на минутку?

Мысленно Шейко уже мчался по лестнице вниз подальше от актового зала и всех этих жутких принцесс. Но на деле ноги выбросили его из деревянных объятий кресла и вместо того, чтобы повести к двери – пара секунд позора, пока все смотрят тебе в спину, а потом целая жизнь счастья, когда ты на свободе и тебя никто ни о чем не просит, – повели к сцене, прямо к протянутой руке Натальи Захарьевны.

– Вот этот милый юноша будет сегодня выполнять у нас роль принца. – Тяжелая рука вновь легла на Валькино плечо, превращая до недавнего времени живую душу в иссушенный скелет. – Вам надо ему понравиться. А юноша оценит, у кого лучше всего получится.

От такого количества глаз, направленных в его сторону, Шейко мгновенно ослеп. Он ничего не видел и не слышал вокруг себя, пока откуда-то сверху, сквозь громы и молнии, сыпавшиеся ему на голову, не пробилась насмешливый голос руководителя:

– Глаза лучше открыть. Иначе ты не увидишь, как наши принцессы тебе улыбаются.

Валька глубоко вздохнул и открыл глаза. Вокруг него все поплыло от десятка красно-зубастых улыбок. Шейко машинально стал смотреть поверх голов и уперся взглядом в бледную Носову, готовую расплакаться на своем последнем ряду.

– Ну как, нравятся тебе наши принцессы? – не унималась Наталья Захарьевна.

– Ага, – выдохнул Валька, выбрав точку четко по центру лба Носовой.

– Тогда останься рядом со мной, чтобы наши принцессы не забывали, что себя надо постоянно «держат». А я пока расскажу, чем мы здесь будем заниматься.

Шейко чудом оставался на ногах. Завтра только и будет разговоров, что о его должности «принца». Теперь к кличке Жираф ему еще что-нибудь приклеят. Вот ведь непруха...

А Наталья Захарьевна между тем рассказала, что заниматься они будут самым-самым важным для жизни принцессы. Что у них будет рукоделие, обучение хорошим манерам. Они будут говорить об истории костюма и танца, станут слушать музыку, разучат несколько танцевальных па и, конечно же, будут читать и смотреть кино – и все это обсуждать, ведь настоящие принцессы должны хорошо говорить и уметь поддержать любой разговор. Сюда же прогулки по парку и занятия ботаникой, подготовка костюма к новомуднему балу...

Валька еле сдерживался, чтобы не свистнуть. На фига им все это нужно? Как будто в школе мало заданий достается, как будто всех и так не задолбала эта дурацкая литература со всеми князьями Игорями и вещими Олегами, а ботаники ему и на уроках хватает!

Лица девчонок тоже не светились счастьем. Как только список занятий перевалил за десятку, накал желания стать принцессой в девчонках стал медленно спадать. Сначала со ста ватт до семидесяти пяти, потом до шестидесяти, следом до сорока, и вот уже кое у кого наметился критический уровень в двадцать пять ватт, при котором лампочки еле тлеют.

– Но зато потом все принцы будут у ваших ног, – заверила их не потерявшая оптимизма Наталья Захарьевна. – А уж какой у нас с вами новогодний бал получится, я вам и передать не смогу!

Девчонки приободрились и стали на листочках строчить, что нужно принести для следующего раза. Начинали они с рукоделия.

Перестав изучать нахмуренный лоб Носовой, Валька скосил глаза на Аню. Она тоже писала в тетрадке и была спокойна, как истинный патриот своего дела, отправляющийся на эшафот.

– Ну а принца мы попросим прийти к нам в конце занятий и оценить, как много мы успели сделать, – руководительница похлопала Шейко по спине, отчего ему показалось, что все внутренние органы у него подпрыгнули и перемешались. – А теперь мы поблагодарим нашего юношу, скажем ему напоследок «спасибо» и дружными аплодисментами проводим до двери.

На негнущихся ногах Валька вышел из актового зала и тяжело привалился к перилам лестницы.

Ох уж эти принцессы! Ох и попортят они ему жизнь. Это что же получается? Ему снова к ним приходиться? Они всякому разному научатся и станут на нем эксперименты ставить?

Леха, спаси!

Щукин, конечно, был недоволен рассказом Шейко. Ничего нового к уже сложившемуся портрету одноклассницы он не добавлял. А значит, действенных методов по борьбе с Плотниковой у него все еще не было. Но вот наконец-то удачный момент подвернулся. И звали его День учителя.

Сердце в портфеле

Как известно, у наших учителей есть несколько законных праздников. 1 сентября – учителям цветы. Впрочем, этот праздник можно не считать, слишком много суеты и кто чему радуется, не понятно. Первые выходные октября – День учителя. Ноябрьские праздники – первый полноценный отдых от учеников. Новогодние каникулы. Потом всех настигает День святого Валентина – тоже учительский праздник. Кого еще дети так любят? 23 февраля – учителя-мужчины получают неизменные кружки и фартуки. Восьмое марта – это чисто учительский праздник, потому что большинство наших учителей – женщины. Следом Дни весны и труда, а главные наши труженики это опять же учителя. Замыкает эту череду День защиты детей, 1 июня, который тоже имеет отношение к учителю.

А начинается парад праздников с первых выходных октября, с Дня учителя.

Хороших учителей, как и плохих, в школе было предостаточно. Но все-таки хороших больше, поэтому народ решил каждому, а не только классному руководителю, сделать подарок.

Спорили до хрипоты. Отвергались записные книжки, платочки, наборы ручек, мягкие игрушки и сборные конструкторы. Дорогие украшения были шестиклассникам не по карману. Для «не своих» учителей они могли отделаться маркерами и чашками. Самых любимых хотелось как-то выделить.

Вот они и выбирали уже больше десяти минут, и спор этот норовил превратиться в выяснение отношений не только на словах, но и на деле.

Когда уже казалось, что все охрипли и не могут говорить, прозвучал спокойный, уверенный голос Плотниковой:

– А давайте подарим им сердце.

– Чье? – испуганно ойкнула Куропаткина.

– Сделаем из красного картона большое сердце, наклеим свои фотографии и все подпишемся.

Чтобы все хорошо это представили, Аня на листочке нарисовала, как подарок должен выглядеть, продемонстрировав свой очередной талант – художника.

Идея была проста, как все гениальное, и, главное, не затратная – картон и клей, больше ничего.

– Фотографии нужны, – напомнила Аня, и все ей пообещали принести с десятков своих фотографий, чтобы было из чего выбрать. Подготовку подарка доверили девчонкам во главе с Плотниковой. Ну, не мальчишкам же в самом деле такое поручать!

Через два дня подарок был готов. Красная бархатная бумага, наклеенные на нее яркие цветы и деревья, на ветках которых были «развешаны» фотографии, написаны пожелания и расставлены подписи. Все это было украшено ленточками и блестками.

Даже твердокаменный Щукин умилился. Он подержал в руках пущенный по кругу подарок, хлопнул им об ладонь и довольно заулыбался.

– Хорошо, – изрек он, передавая сердце дальше. – Очень хорошо, – повторил он, глядя на Махину.

Сергеа понимающе закивал. Шейко повертел перед носом красную картонку, совершенно не понимая, чем здесь можно восхищаться. Подарили бы лучше торт или пачку салфеток – все польза. А сердце? Куда его денешь? На стенку повесить пыль собирать? Вроде не шедевр, не Айвазовский. Какое удовольствие видеть одни и те же лица в школе и дома?

В раздумьях он стал так сильно размахивать картонным сердцем, что живые девчачьи сердца не выдержали.

– Абorigine! – заволновались они. – Помнешь!

– Дубина криворукая, верни!

– Отдай им, – Леха светился от удовольствия. Так и хотелось подsunуть ему лимон, чтобы немного подкислить жизнь.

Щукин выбрался из толпы жаждущих получше изучить подарок, следом за ним в коридор устремилась его гвардия.

– Ждем два урока! – Щукин отдавал приказания на ходу, как Петр Первый при Полтавской битве. – Они перестанут носиться с этим дурацким сердцем, и на большой перемене мы заберем его. Плотникова в ауте, все на рогах. Мы на коне.

Махин довольно заржал и потер руки.

– Почему на коне? – смутился Валька. Сердце ему, конечно, не нравилось, но Плотникову было жалко.

– Ладно, ты будешь на жирафе, – милостиво разрешил Леха. – Значит, на тебе портфель. Отследишь, когда он останется без присмотра, и закинешь в мужской туалет, там мы с ним разберемся.

И Петр Первый, то есть Леха Щукин, ушел вперед, оставив Вальку в мучительных раздумьях. Что-то ему в этом плане не нравилось.

То ли его все еще смущал подарок, плод старания девчонок. То ли что-то в плане Щукина было не так...

Портфель! Точно! Пройти по коридору с ярко-красным портфелем и остаться незамеченным невозможно. И ладно бы они хотели стащить у Плотниковой домашку – все бы поняли и не осудили. А то ведь они собирались оттуда вынуть общеклассное достояние, сердце всего 6 «А».

Надо было отказываться.

Шейко уже собрался это сделать, как вдруг увидел одиноко стоящий ярко-красный чемодан Плотниковой в двух шагах от себя.

Куда делась хозяйка и почему рассталась со своим сокровищем, осталось загадкой, разгадывать которую у Вальки не было ни желания, ни времени. Он вдохнул побольше воздуха, шагнул вперед, схватил портфель и сунул к себе под ноги.

А вот теперь надо было немного подумать. Потому что с такой уликой незамеченным выйти из класса не получится ни при каком раскладе.

А ведь портфель-то ему и не нужен! Ему нужно только то, что там лежит.

Как можно бесшумней Валька щелкнул замком. Долго искать бархатное сердце не понадобилось, оно само прыгнуло ему в руку.

Теперь с красным сердцем под мышкой он был еще более заметен, чем с красным портфелем. Портфель вещь невинная. Ну, взял по ошибке, с кем не бывает! Мужчины очень часто дальтонизмом страдают – думал синий, а он оказался красный.

А вот сердце – это настоящая улика.

Долгую секунду Валька боролся со слабостью в ногах, и уже дернулся, чтобы выбежать из класса, когда в дверь впорхнула стайка принцесс, одним своим видом приговорив Шейко к пожизненному заключению, немедленному расстрелу и смерти через повешение.

Не задумываясь, Валька подтащил к себе первый попавшийся портфель, а вернее, рюкзак и сунул сердце туда.

А в следующую секунду объявилась хозяйка рюкзака.

Носова застыла над Валькой в недоумении.

– Ты чего вцепился? – буркнула она, дергая рюкзак за лямку.

– Это... давай помогу, – выдавил из себя Шейко, не в силах выпустить из рук ценную добычу. – Это... до кабинета донесу.

– А ну, пусти! – сильнее потянула Лена.

– Это... как принц, – выдал последний аргумент Валька, чувствуя, что от одного слова «принц» у него мурашки бегут по спине. – Это... чтобы ты тренировалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.